

«Надеюсь: вдруг переверну мир...»

Роман Сенчин

«Боливар не выдержит двоих» — эта поговорка, подаренная нам О. Генри, отлично подходит для литературы. Двоих не двоих, но пять десятков популярных авторов она в один временной отрезок иметь не может; через некоторое время после окончания определенного исторического периода (а в литературе тоже есть исторические периоды) остаются единицы. Их произведения переиздают, о них пишут статьи, спорят, их цитируют...

Нынче из полноводной, глубокой литературной реки второй половины 1950-х (когда началась оттепель) — начала 1980-х (до перестройки) на слуху и на стеллажах книжных магазинов остались лишь несколько прозаиков. Другие если и не канули в Лету совершенно, то лишь упоминаются или в лучшем случае существуют одним-двумя романами, или повестями, или рассказами.

Отбор происходит не только по степени таланта, но и по биографии писателя. Ровная биография, конечно, минус, а вот

Роман Валерьевич Сенчин (р. 1971) — прозаик, литературный критик, редактор. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Урал» и других. Автор художественных и публицистических произведений, в том числе «Минус», «Вперед и вверх на севших батарееках», «Московские тени», «Елтышевы», «Зона затопления», «Напрямик», «Срыв», проза переведена на немецкий, английский, шведский, финский, арабский, испанский, французский, сербский, венгерский, польский, китайский языки. Лауреат ряда литературных премий, среди которых премия Правительства Российской Федерации, «Ясная Поляна», «Большая книга», Горьковская премия. В настоящее время живет в Екатеринбурге.

по интересной, драматичной или трагичной можно снять сериал или фильм, подогрев или возродив интерес к произведениям героя этого самого сериала или фильма. Может вернуть писателя — хотя бы на время — экранизация его текста, как произошло, например, с И. Грековой после «Благословите женщину», Олегом Куваевым после «Территории». Но это случаи редкие. Процесс забвения не остановить.

Тут не поспоришь, это происходит зачастую естественно. Но как жаль, что многие и многие большие, настоящие писатели забываются, их произведения уносятся рекой времени. Глеб Горышин, Виль Липатов, Евгений Носов, Александр Рекемчук, Сергей Никитин, Георгий Семенов, Юрий Куранов, Борис Можжаев, Федор Абрамов, Дмитрий Голубков... Люди старших поколений наверняка возмутятся: мы помним, читаем! Но мои сверстники (за сорок) и люди моложе мало о ком из них слышали, а тем более читали. Книги найти всё сложнее, они практически не переиздаются, а старые ветшают, списываются из библиотек, выносятся внуками из квартир после смерти бабушек-дедушек; в интернете произведения найти можно, но кто будет искать: эти авторы, что называется, не на слуху.

Один из таких, постепенно забываемых, — Владимир Тендряков.

О Тендрякове в последние десятилетия в основном упоминают через запятую. Советский писатель, много издавался, был в обойме, но в то же время кое-что писал в стол. Умер на пороге перестройки, в перестройку его произведения из стола издали, пообсуждали и отложили — смело, но не высшие образцы прозы, не предельный пример смелости... В общем, он проходит по разряду «честный советский писатель». Писатель, что называется, второго ряда. Первый ряд символического книжного шкафа ведь не безразмерен, кто-то должен быть за-слонен...

Владимир Тендряков из поколения фронтовиков. Ушел на войну в 1941-м после окончания школы. В 43-м был тяжело ранен, демобилизован. Мечтал стать художником, но стал писателем. Прозаиком. Суровым, строгим, жестким.

Написал много. Говорят, писал постоянно. Заканчивал одну вещь и принимался за следующую. Творческих кризисов не испытывал, потому что абсолютное большинство сюжетов давала ему сама жизнь. Реальность.

Умер Тендряков в шестьдесят лет, словно рабочий, не представляющий себя пенсионером. Да он и был таким — литературным пролетарием. Умер на пороге нового времени — в 1984-м. В 1987—1989 годах вышло пятитомное собрание сочинений, в то же время и чуть позже были опубликованы еще несколько произведений из архива, в том числе «Охота», «Люди или нелюди», «Донна Анна», а потом начался медленный, но, к сожалению, верный процесс ухода в историю. А проще говоря, Тендрякова стали забывать издатели, литературоведы, читатели.

Единственная, кажется, за последние несколько лет статья о Тендрякове, которую интересно читать, — ненаучная, полемичная — написана Дмитрием Быковым. Со многими суждениями хочется поспорить, кое с чем согласиться. Но моя задача — не дискуссия и не обзорение всего написанного Тендряковым за тридцать лет его творческой жизни. Я остановлюсь на тех повестях, которые включены в этот сборник. Повестях середины 1950-х — 1960-го.

«Не ко двору», «Ухабы», «Чудотворная», «Суд» — это не первые его произведения. Не ранняя проза. Это проза уже мастера, но вместе с тем человека, еще не ставшего пресловутым профессиональным писателем, наработавшим приемы, метод, стиль, чувствующим желание осваивать новые жанры (а реалист Тендряков немного позже окажется удивительным фантастом), разнообразить палитру.

Эти повести написаны без почти всегда и у всех неизбежной у кого ложки, а у кого ведра дегтя в бочке меда. Деготь — литературщина, мед — преобразованная в произведение художественной литературы жизнь.

В этих (и не только в этих) повестях Тендряков не играет стилем, смыслами, сюжетом. Он будто действительно переносит на бумагу саму реальность. Его рукой водит вера, что написанное

им поможет улучшить жизнь, сделать людей честнее и чище... Эти повести написаны в короткий и удивительный период нашей истории, который Дмитрий Быков в своей статье назвал первой оттепелью и определил ее рамки — со смерти Сталина до начала травли Пастернака (осень 1958-го).

Вот из быковской статьи: «Оттепель пятидесятых была недоиграна, абортирована — а между тем по многим параметрам она была масштабней того, что при поддержке власти началось после 1961 года. Проблема не в том, что вторая оттепель была конъюнктурней. Проблема была в том, что эта вторая оттепель расколола советский монолит. Народ, который восторженно встретил оттепель-54 и доклад-56, в шестьдесят втором отнесся к происходящему крайне настороженно; и Тендряков был первым, кто зафиксировал этот перелом, потому что в это же время происходит перелом и в собственной его литературе».

По месяцам и годам проследить процесс изменения в мировоззрении писателя, естественно, невозможно, но после повести «Суд», заканчивающейся фразой, у любого, наверное, выглядящей пошлой, только не у Тендрякова: «Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести», — начатой в 1958-м и опубликованной в начале 1961-го, он стал писать по-другому. Не скажу, хуже, но иначе, без абсолютной веры в силу прозы. А повести, собранные в этой книге, он создавал наверняка как раз вот с таким чувством: «Когда пишу, надеюсь, что это будет великое, более того — откровение. Надеюсь: вдруг переверну мир, но он все так и не переворачивается...»

Да, мир произведения Тендрякова не перевернули. Но прочитавший их, скорее всего, — очень надеюсь — совершит в жизни меньше плохого, чем не прочитавший.

Приведу еще одну цитату из статьи Дмитрия Быкова: «Все, что делал Тендряков, было в частностях неуклюже и подчас фальшиво, — особенно когда он ради проходимости вставлял в текст авторские отступления, долженствующие разжевать (или подменить) главную мысль. Но в основе своей он был писатель, умевший ставить неразрешимые вопросы — точней, неразрешимы они были в советских координатах, почему

лучшие его вещи вроде “Ночи после выпуска” или “Расплаты” и оставляли такое саднящее, едкое чувство. Тендряков ставит вопросы, которые могут возникнуть только в уродливом мире, где религия табуирована, вопрос о смысле жизни неприличен и все делится либо на выродившихся лицемеров и лгунов, либо на вырождающееся подполье. То есть ответов у Тендрякова нет и быть не может — ибо сама ситуация, порождающая вопросы, ложна, выморочна, болезненна. Все это споры в дурдоме о теории относительности, которой там никто толком не знает, — и книг по теме в дурдоме тоже нет. Какие могут быть моральные императивы в аморальном насквозь обществе, которое саму эту мораль объявило пережитком?

Но это общество было все же на несколько этажей выше того подвала, в который мы провалились сейчас. Не нам, феодальным, судить его советскость».

Слишком категорично, на мой взгляд. Вопросы, которые ставил в своих произведениях Тендряков, — вечные. Их ставили и русские, и зарубежные писатели задолго до советской власти. И тоже зачастую не находили ответа, а в найденные ответы читателю не верилось, потому что вопросы, которые ставит художественная литература, чаще всего не имеют однозначных ответов.

Может быть, такие выводы Быков делает потому, что в прозе Тендрякова много советского, а точнее — примет того мира, в котором живут герои его романов, повестей и рассказов? Действительно, взгляд и мозг часто спотыкаются от обилия секретарей райкомов, комсомольских секретарей с их пылкими то правильными, то обманчиво правильными речами, которые, кстати сказать, вдоволь напародировали отечественные пост-модернисты и концептуалисты первой волны.

К сожалению, новым читателям сложно разобраться в структуре того советского общества, понять детали бытия, мораль людей той затонувшей Атлантиды. Но так же спотыкаешься и читая произведения Салтыкова-Щедрина, Писемского, Лескова, многие страницы «Анны Карениной», в которых действует Константин Лёвин... Писатель, слишком точно пы-

тающийся отобразить в прозе современную ему реальность, всегда рискует. Те, кто пишет вневременное или о прошлом, будущем, конечно, в более выигрышной ситуации — они отсеивают мусор повседневности. Но на самом-то деле этот мусор бесценен.

* * *

Автор предисловия находится в сложном положении. Вроде бы нужно заинтересовать читателя книгой, но нельзя пересказывать содержание. И все же я позволю себе спойлер в отношении повести «Ухабы». Тем более что в русской прозе — так уж повелось — главное не сюжетные извивы и петли, не интрига, а художественное мышление писателя, идея, ради которой произведение создано. А «Ухабы» — это проза прямого действия, при этом проза первоклассная, настоящая.

Но сначала несколько слов о повести «Чудотворная».

В ней Тендряков на сегодняшний взгляд очень резко, как воинствующий атеист, пишет о религии. Клеймит, развеивает дымок религиозной отравы. Хотя тут же, в соседнем абзаце, показывает жизнь людей в поселке так, что задаешься вопросом: а что им еще делать, как не верить в Бога? И проблема здесь не в том, что одни строят коммунизм (повесть 1958 года), а другие мешают и тянут народ к «опиуму». Нет, просто людям — малой части жителей поселка, кстати, — необходимо чудо. Безногому инвалиду войны, изработанным, больным старухам, брошенному детьми старику, женщине с неправильной беременностью, матери главного героя, Родьки, от которой сбежал муж...

Иногда кажется, что автор нарочито резок в оценках, чтобы не проникнуться к этим персонажам откровенным сочувствием, самому не принести им икону...

Позже, но тоже в атеистическое, богоборческое время, Тендряков продолжит поднимать тему веры в Бога в своих повестях. И взгляд его будет разным, как у истинного художника и мучающегося, не находящего простых ответов человека.

Вообще в «Чудотворной» ставятся очень сложные и болезненные вопросы социальной жизни. Такие произведения, конечно с поправкой на время, должны бы обильно появляться и нынче, когда многие пытаются найти опору, успокоение в религии, надеются на чудо, понимая, что реальность враждебна к ним. Но авторы затрагивать такие вопросы, кажется, боятся. Уже которое десятилетие самым популярным сюжетом на религиозную тему остается следующий: человек погряз в мирской суете, в бездуховности, запутался, нагрешил, а потом опомнился и стал строить или восстанавливать церковь... К сожалению, всё куда сложнее.

Теперь об «Ухабах». Коротко сюжетная канва. Из-за затяжных дождей дорога, соединяющая маленький городок с железнодорожной станцией, стала непроезжей. Но нужно привезти со станции срочный груз. За ним отправляют Василия Дергачева, который славится умением пробираться на своем грузовичке через любую топь.

По пути Василий набирает целый кузов попутчиков и на одном скользком повороте, стараясь объехать глубокую лужу, опрокидывается. Все, кроме молодого парня, успевают выскочить из кузова. Парень зацепился сапогом за проволоку, которой был примотан борт, и его придавливает машиной. Парня вытаскивают, но очевидно, что у него серьезно повреждены внутренности.

Соорудив носилки, пострадавшего несут в ближайшее село, где есть больница. Один из пассажиров, молодой лейтенант, протестует: «Надо немедленно вызвать сюда врача и участкового милиционера. <...> Для суда важно, чтоб все осталось на месте, как есть». Жена лейтенанта поражена поведением мужа, хватается за ручку носилок: «Не буду жить с тобой!»

Шофер Василий, конечно, подавлен, чувствует свою вину, понимает, что его будут судить, — людей везти он не имел права... Лучше всех, почти героически ведет себя Княжев — директор МТС (машинно-тракторной станции, а не оператора сотовой связи) соседнего села. Его советы точны и верны, он несет раненого без ропота, подбадривает остальных.

Парня доставляют в больницу, и Княжев, отказываясь от благодарностей Василия, — «за такие вещи спасибо не говорят» — уходит на МТС, где его ждут. МТС как раз в этом же селе.

Фельдшерица осматривает парня и говорит, что нужна операция. Хирург только в том городке, откуда ехали Василий и попутчики. Это в тридцати километрах. Машина не пройдет, на телеге нельзя — растрясет, и так от каждого движения парень стонет и бледнеет. Единственная возможность — перевезти на тракторных санях.

Василий и преобразившийся лейтенант идут к Княжеву за трактором, а тот не дает: «Никак не могу распоряжаться государственным добром не по назначению». И после того как Василий и лейтенант начинают его стыдить, дает прочесть документ, в котором председатель райисполкома категорически запрещает использовать тракторы как транспортные машины. В общем, Княжев непреклонен. «Попросите для больного кровь — отдам, попросите для него рубаху — сниму. Но тут не мое, тут не я распоряжаюсь».

Василий с лейтенантом ищут по селу то одного начальника, то другого, звонят в городок, но не находят тех, кто может — вправе — приказать Княжеву дать трактор. На дворе ночь, телефонная связь слабая... Узнают, что из городка отправился к ним хирург, но он вряд ли быстро доберется по такой дороге.

В конце концов прибегают к участковому. «Требовать трактор прав мне не дано, — заявляет милиционер. — Ежели бы капитан Пичугин, начальник густоборовского отделения милиции, нарисовал распоряжение: так и так, товарищу Копылову, мне то есть, вменяется в обязанность конфисковать на энное количество времени трактор, я бы...»

Поняв, что и здесь им не помогут, Василий и лейтенант поворачиваются, чтобы уйти, но милиционер пытается остановить Василия: «Я обязан задержать шофера, сесть и спокойненько, пункт за пунктом, нарисовать протокол...» — «Нарисовать бы на твоей сытой физиономии...» — перебивает его лейтенант. Участковый не проявляет настойчивости.

Решают все-таки везти на телеге. Но очень быстро парень начинает просить остановиться: «Умру, так в покое!»

Лейтенант не выдерживает и бросается обратно в село: «Я этого подлеца вытащу! Я вырву у него трактор. Если не даст, в каждый дом стучать буду. Весь народ на ноги подниму. Бунт устрою! Вырву трактор!»

И через несколько часов он действительно возвращается на тракторе. Вывал. Но поздно — парень умирает.

Можно винить лишь Княжева, а можно поставить под сомнение слишком строгую дисциплину, беспрекословное исполнение распоряжений...

«Ухабы» были впервые опубликованы в 1956 году в не очень популярном тогда «Нашем современнике», еще альманахе, а не журнале. Государство вполне могло сделать вид, что не заметило этой повести, включая ее тихо-мирно в дальнейшие сборники Тендрякова. Но «Ухабы» были изданы миллионным тиражом, по всей стране проходили их обсуждения. И наверняка в случаях, подобных описанному в «Ухабах», многие потрясали этой повестью как документом, как последним неоспоримым доводом.

Сегодня же не только редкие произведения прозы, в которых говорится о неотложном, вопиющем, требующем изменений, остаются лишь каплями в потоке текущей литературы, но и сотни, тысячи статей, документов, журналистских расследований напрасны... Все сливается в шумовой фон.

Кстати, вполне возможно, что какой-нибудь депутат или общественный активист, попадись ему на глаза новые «Ухабы», обратил бы на них внимание прокуратуры или Следственного комитета: проверьте, пожалуйста, вот эту реплику симпатичного автору персонажа, обращенную к законному представителю власти: «Нарисовать бы на твоей сытой физиономии...» И вот еще: «Бунт устрою!»

Да и вряд ли такие слова нынче уже благополучно дойдут до публикации. Редактор, пронзительно глядя в глаза автору, наверняка предложит: давайте смягчим, зачем так в лоб...

Опубликовать сегодня произведение, призванное «способствовать духовному воспитанию наших граждан, особенно подрастающего поколения» (из очередного государственного документа), на материалах современной российской действительности — достаточно сложно, донести его до читателя, захлебнувшегося в пестрой псевдопрозе, — еще сложнее. Приходится ворошить культурный слой советского времени. И отыскивать драгоценности. Такие, например, как многие произведения Владимира Тендрякова.